

1^й иерусалимский дневник
2^й иерусалимский дневник

Игорь Миронович Губерман
Первый иерусалимский дневник.
Второй иерусалимский дневник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3091625

Игорь Губерман. Первый иерусалимский дневник. Второй иерусалимский дневник: Эксмо; Москва;
2009

ISBN 978-5-699-32671-6, 978-5-699-32677-8

Аннотация

В сборник вошли стихотворения известного поэта Игоря Губермана.

Содержание

Первый иерусалимский дневник	5
Россию увидав на расстоянии, грустить перестаешь о расставании	5
Евреев от убогих до великих люблю не дрессированных, а диких	14
Высокого безделья ремесло меня от процветания спасло	24
В любви прекрасны и томление, и апогей, и утомление	36
Кто понял жизни смысл и толк, давно замкнулся и умолк	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Игорь Губерман

Первый иерусалимский дневник. Второй иерусалимский дневник

*Удачу близко видя, шел я мимо,
не разумом, а нюхом ощутив
текущее за ней неуловимо
зловоние блестящих перспектив.*

В оформлении книги использованы наскальные рисунки древних евреев

Первый иерусалимский дневник

*В эту землю я врос окончательно,
я мечту воплотил наяву,
и теперь я живу замечательно,
но сюда никого не зову.*

Россию увидав на расстоянии, грустить перестаешь о расставании

Изгнанник с каторжным клеймом,
отъехал вдаль я одиноко
за то, что нагло был бельмом
в глазу всевидящего ока.

1

Еврею не резвиться на Руси
и воду не толочь в российской ступе;
тот волос, на котором он висит,
у русского народа – волос в супе.

2

Забавно, что томит меня и мучает
нехватка в нашей жизни эмигрантской
отравного, зловонного, могучего
дыхания империи гигантской.

3

Бог лежит больной, окинув глазом
дикие российские дела,
где идея вывихнула разум
и, залившись кровью, умерла.

4

С утра до тьмы Россия на уме,
а ночью – боль участия и долга;
неважно, что родился я в тюрьме,
а важно, что я жил там очень долго.

5

Да, порочен дух моей любви,
но не в силах прошлое проклясть я,
есть у рабства прелести свои
и свои восторги сладострастия.

6

Когда идет пора крушения структур,

в любое время всюду при развязках
у смертного одра империй и культур
стоят евреи в траурных повязках.

7

Ах, как бы нам за наши штуки
платить по счету не пришлось!
Еврей! Как много в этом звуке
для сердца русского слилось!

8

Устроил с ясным умыслом Всевышний
в нас родственное сходство со скотом:
когда народ безмолвствует излишне,
то дух его зловонствует потом.

9

Люблю российский спор подлунный,
его цитат бенгальский пламень,
его идей узор чугунный,
его судеб могильный камень.

10

Ранним утром. Душной ночью,
Вдруг в ответ на чей-то взгляд...
Вырвал корни я из почвы,
и они по ней болят.

11

Прав еврей, что успевает
на любые поезда,
но в России не свивает
долговечного гнезда.

12

Я хотел бы прожить много лет
и услышать в часы, когда пью,
что в стране, где давно меня нет,
кто-то строчку услышал мою.

13

Мне вновь напомнила мимоза
своей прозрачной желтизной,
что в сердце всажена заноза
российской слякотной весной.

14

В русском таланте ценю я сноровку
злобу менять на припляс:

в доме повешенных судят веревку
те же, что вешали нас.
15

В России сейчас от угла до угла
бормочет Россия казенная
про то, что Россию спасти бы могла
Россия, оплошно казенная.
16

В те трудные дни был открыт
мне силы и света источник,
когда я почувствовал стыд
и выпрямил свой позвоночник.
17

Россия извелась, пока давала
грядущим поколениям людей
урок монументального провала
искусственно внедряемых идей.
18

Пронизано русское лето
миазмами русской зимы;
в российских ревнителях света
спят гены строителей тьмы.
19

Как бы ни слабели год от года
тьма и духота над отчим домом,
подлинная русская свобода
будет обозначена погромом.
20

На кухне или на лесоповале,
куда бы судьбы нас ни заносили,
мы все о том же самом толковали —
о Боге, о евреях, о России.

21

Из русских событий пронзительный вывод
взывает к рассудкам носатым:
в еврейской истории русский период
кончается веком двадцатым.

22

Вдовцы Ахматовой и вдовы Мандельштама —
бесчисленны. Душой неколебим,
любой из них был рыцарь, конь и дама,
и каждый был особенно любим.

23

Россию покидают иудеи,
что очень своевременно и честно,
чтоб собственной закваски прохиндеи
заполнили оставшееся место.

24

Чтоб русское разрушить государство, —
куда вокруг себя ни посмотри, —
евреи в целях подлого коварства
Россию окружают изнутри.

25

Не верю в разум коллективный

с его соборной головой:
в ней правит бал дурак активный
или мерзавец волевой.
26

Не зря тонули мы в крови,
не зря мы жили так убого,
нет ни отваги, ни любви
у тех, кого лишили Бога.
27

Весело на русский карнавал
было бы явиться нам сейчас:
те, кто нас душил и убивал,
пишут, что они простили нас.
28

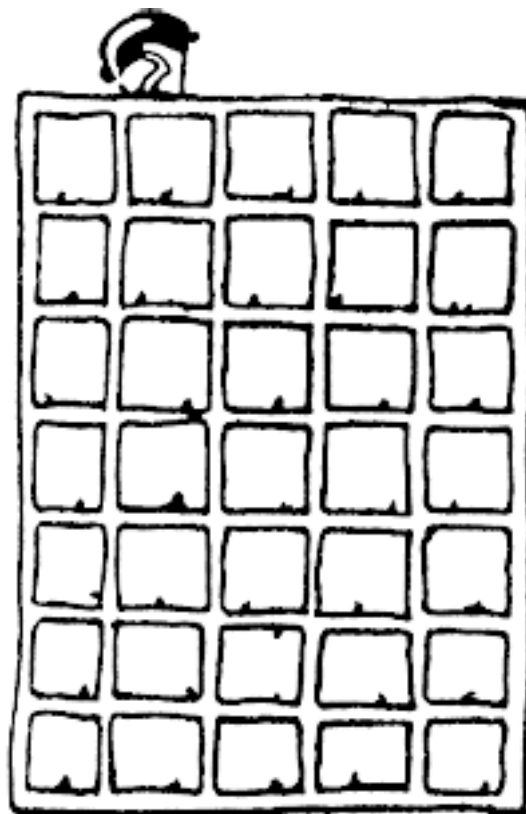
В России жил я, как трава,
и меж такими же другими,
сполна имея все права
без права пользоваться ими.
29

Лихие русские года
плели узор искусной пряжи,
где подо льдом текла вода
и мертвым льдом была она же.
30

Злая смута у России впереди:
все разъято, исковеркано, разрыто
и толпятся удрученные вожди
у гигантского разбитого корыта.
31

Когда вдруг рухнули святыни
и обнажилось их уродство,
душа скитается в пустыне,
изнемогая от сиротства.
32

Россия ждет, мечту лелея
о дивной новости одной:
что наконец нашли еврея,
который был всему виной.
33

В любви и смерти находя
неисчерпаемую тему,
я не плевал в портрет вождя,
поскольку клал на всю систему.
34

Нельзя не заметить, что в ходе истории,
ведущей народы вразброд,
евреи свое государство – построили,
а русское – наоборот.
35

Я снял с себя российские вериги,
в еврейской я сижу теперь парилке,
но, даже возвратясь к народу Книги,
по-прежнему люблю народ Бутылки.
36

На почве, удобренной злобой бесплодной,
увял даже речи таинственный мускул:
великий, могучий, правдивый, свободный
стал постным, унылым, холодным и тусклым.
37

Такой же, как наша, не сыщешь на свете
ранимой и прочной душевной фактуры;
двух родин великих мы блудные дети:

еврейской земли и российской культуры.
38

Ручей из русских берегов,
типаж российской мелодрамы,
лишась понятных мне врагов,
я стал нелеп, как бюст без дамы.
39

Хоть сотрись даже след от обломков
дикой власти, где харя на рыле,
все равно мы себя у потомков
несмываемой славой покрыли.
40

Я разными страстями был испытан,
но главное из посланного Богом —
я в рабстве у животных был воспитан,
поэтому я Маугли во многом.
41

Российскую власть обещенной
мы видим и сильно потоптанной,
теперь уже страшно, что женщиной
она будет мерзкой и опытной.
42

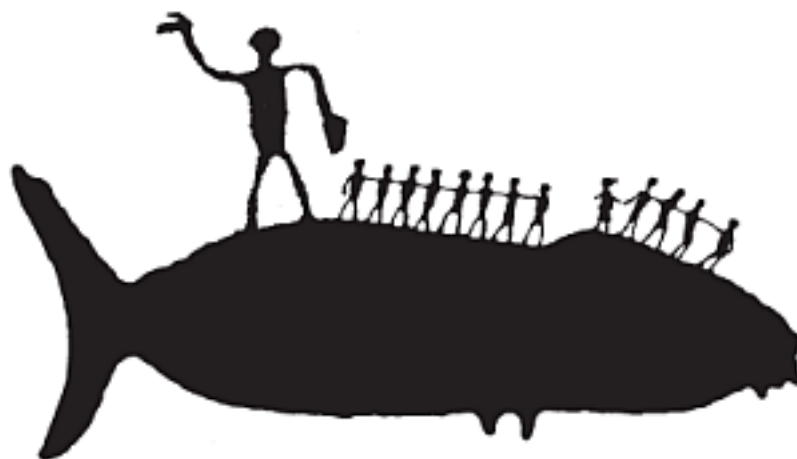
Едва утихомирится разбой,
немедля разгорается острей
извечный спор славян между собой —
откуда среди них и кто еврей.
43

В автобусе, не слыша языка,
я чую земляка наверняка:
лишь русское еврейское дыхание
похмельное струит благоухание.
44

Приемлю, не тоскуя и не плачась,
древнейшее из наших испытаний —
усушку и утруску наших качеств
от наших переездов и скитаний.
45

Не в том печаль, что век не вечен, —
об этом лучше помолчим,
а в том, что дух наш изувечен
и что уже неизлечим.

46

Вожди России свой народ
во имя чести и морали
опять зовут идти вперед,
а где перед, опять соврали.
47

Везде все время ходит в разном виде,
мелькая между стульев и диванов,
народных упований жрец и лидер
Адольф Виссарионович Ульянов.
48

За все России я обязан —
за дух, за свет, за вкус беды,
к России так я был привязан —
вдоль шеи тянутся следы.
49

В любое окошко, к любому крыльцу,
где даже не ждут и не просят,
российского духа живую пыльцу
по миру евреи разносят.
50

Не дикому природному раздолью,
где края нет лесам и косогорам,
а тесному кухонному застолию
душа моя обязана простором.
51

Я Россию часто вспоминаю,
думая о давнем дорогом,
я другой такой страны не знаю,
где так вольно, смирно и кругом.

52

Забавно мы все-таки жили:
свой дух в чистоте содержали
и с истовой честью служили
неправедной, грязной державе.

53

Много у Ленина сказано в масть,
многие мысли частично верны,
и коммунизм есть советская власть
плюс эмиграция всей страны.

54

Я б хотел, чтоб от зоркого взора
изучателей русских начал
не укрылась та доля позора,
что ложится на всех, кто молчал.

55

У того, кто родился в тюрьме
и достаточно знает о страхе,
чувство страха живет не в уме,
а в душе, селезенке и пахе.

56

Оставив золу крематорию
и в путь собирая семью,
евреи увозят историю
будущую свою.

57

Я там любил, я там сидел в тюрьме,
по шатким и гнилым ходил мостам,
и брюки были вечно в бахrome,
и лучшие года остались там.

58

Евреев от убогих до великих люблю не дрессированных, а диких

Был, как обморок, переезд,
но душа отошла в тепле,
и теперь я свой русский крест
по еврейской несу земле.
59

Здесь мое исконное пространство,
здесь я гармоничен, как нигде,
здесь еврей, оставив чужестранство,
мутит воду в собственной среде.
60

Да, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
у каждого собственный запах,
и носом к Востоку еврей свой росток
стыдливо увозит на Запад.
61

В отъезды кинувшись поспешно,
евреи вдруг соображают,
что обрусели так успешно,
что их евреи раздражают.
62

За российский утерянный рай
пьют евреи, устроив уют,
и, забыв про набитый трамвай,
о графинях и тройках поют.
63

Еврейский дух слезой просолен,
душа хронически болит;
еврей, который всем доволен, —
покойник или инвалид.
64

Умельцы выходов и входов,
настырны, въедливы и притки,
евреи есть у всех народов,
а у еврейского — в избытке.
65

Евреи, которые планов полны,
становятся много богаче,
умело торгуя то светом луны,

то запахом легкой удачи.
66

Каждый день я толкусь у дверей,
за которыми есть кабинет,
где сидит симпатичный еврей
и дает бесполезный совет.
67

Чтоб несогласие сразить
и несогласные заисли,
еврей умеет возразить
еще не высказанной мысли.
68

Смотрю на наше поколение
и с восхищеньем узнаю
еврея вечное стремление
просрать историю свою.
69

Не внимлет голосу погоды
упрямый ген в упорном семени:
терпя обиды и невзгоды,
еврей блаженствует в рассеянье.
70

Земля моих великих праотцов
полна умов нешибкого пошиба,
и я среди галдящих мудрецов
молчу, как фаршированная рыба.
71

В мире много идей и затей,
но вовек не случится в истории,
чтоб мужчины рожали детей,
а евреи друг с другом не спорили.
72

В мире лишь еврею одному
часто удается так пожить,
чтоб не есть свинину самому
и свинью другому подложить.
73

Мир наполнили толпы людей,
перенесших дыханье чумы,
инвалиды высоких идей,
зараженные духом тюрьмы.
74

Слились две несовместные натуры

под покровом израильской кровли —
инвалиды российской культуры
с партизанами русской торговли.
75

За мудрость, растворенную в народе,
за пластику житейских поворотов
евреи платят матери-природе
обилием кромешных идиотов.
76

Душу наблюдениями грея,
начал разбираться в нашем вкусе я:
жанровая родина еврея —
всюду, где торговля и дискуссия.
77

Я счастлив, что жив и неистов
тяжелый моральный урод —
мой пакостный, шустрый, корыстный,
настырно живучий народ.
78

Еврей не каждый виноват,
что он еврей на белом свете,
но у него возможен брат,
а за него еврей в ответе.
79

Евреев тянет все подвигать
и улучшению подвергнуть,
и надо вовремя их выгнать,
чтоб неприятностей избежать.
80

Не терпит еврейская страстность
елейного меда растления:
еврею вредна безопасность,
покой и любовь населения.
81

Как ни скрывался в чуждой вере,
у всех народов и времен
еврей заочно к высшей мере
всегда бывал приговорен.
82

Особенный знак на себе мы несем,
всевластной руки своеволие,

поскольку евреи виновны во всем,
а в чем не виновны — тем более.
83

Под пятой у любой системы —
очень важно заметить это —
возводили мы сами стены
наших тесных и гиблых гетто.
84

Нельзя, когда в душе разброд,
чтоб дух темнел и чах;
не должен быть уныл народ,
который жгли в печях.
85

Евреи знали унижение
под игом тьмы поработителей,
но, потерпевши поражение,
переживали победителей.
86

Пустившись по белому свету,
готовый к любой неизвестности,
еврей заселяет планету,
меняясь по образу местности.
87

Спеша кто куда из-под бешеной власти,
евреи разъехались круто,
чем очень и очень довольны. А счастье —
оно не пришло почему-то.
88

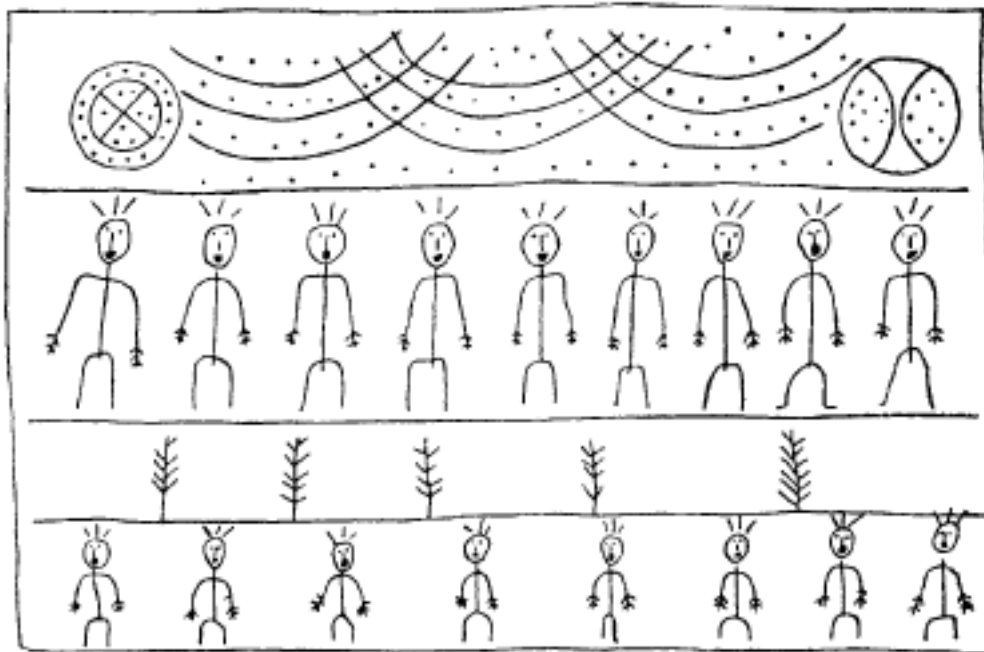
Много сочной заграничной русской прессы
я читаю, наслаждаясь и дурея;
можно выставить еврея из Одессы,
но не вытравишь Одессу из еврея.
89

Мне одна догадка душу точит,
вижу ее правильность везде:
каждый, кто живет не там, где хочет, —
вреден окружающей среде.
90

Навеки предан я загадочной стране,
где тени древние теснятся к изголовью,
а чувства — разные полощутся во мне:

люблю евреев я, но странною любовью.

91

Скитались не зря мы со скрипкой в руках:

на землях, евреями пройденных,
поют и бормочут на всех языках
еврейские песни о родинах.

92

Варясь в густой еврейской каше,
смотрю вокруг, угрюм и тих:
кишмя кишат сплошные наши,
но мало подлинно своих.

93

Что изнутри заметно нам,
отлично видно и снаружи:
еврей абстрактный – стыд и срам,
еврей конкретный – много хуже.

94

Еврей весь мир готов обнять,
того же требуя обратно:
умом еврея не понять,
а чувством это неприятно.

95

Во все разломы, щели, трещины
проблем, событий и идей,
терпя то ругань, то затрешины,
азартно лезет иудей.

96

Растут растенья, плещут воды,
на ветках мечутся мартышки,
еврей в объятиях свободы
хрипит и просит передышки.

97

Антисемит похож на дам,
которых кормит нежный труд:
от нелюбви своей к жидам
они дороже с нас берут.

98

Всегда еврей гоним или опален
и с гибелью тугим повит узлом,
поэтому бесспорно уникален
наш опыт обращения со злом.

99

В жизненных делах я непрактичен,
мне азарт и риск не по плечу,
даже как еврей я нетипичен:
если что не знаю, то молчу.

100

Заоблачные манят эмпиреи
еврейские мечтательные взгляды,
и больно ушибаются евреи
о каменной реальности преграды.

101

Мы Богу молимся, наверно,
затем так яростно и хрипло,
что жизни пакостная скверна
на нас особенно налипла.

102

В еврейском гомоне и гаме
отрадно жить на склоне лет,
и даже нет проблем с деньгами,
поскольку просто денег нет.

103

Еврейского разума имя и суть —
бродяга, беглец и изгой:
еврей, выбираясь на правильный путь,
немедленно ищет другой.

104

Я скроюсь в песках Иудейской пустыни
на кладбище плоском, просторном и нищем
и чувствовать стану костями пустыми,
как ветер истории поверху свищет.
105

Тем людям, что с рожденья здесь растут,
им чужды наши качества и свойства;
похоже, не рассеется и тут
витающий над нами дух изгойства.
106

Еврейского характера загадочность
не гений совместила со злодейством,
а жертвенно-хрустальную порядочность
с таким же неумным прохиндейством.
107

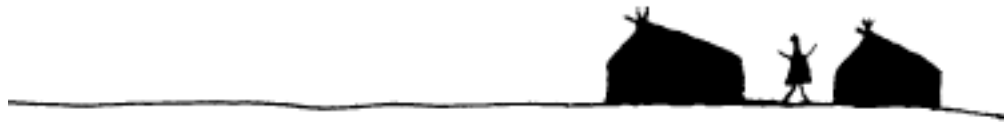
Чуть выросли —
счастья в пространстве кипучем
искать устремляются тут же
все рыбы — где глубже, все люди — где лучше,
евреи — где лучше и глубже.
108

Катаясь на российской карусели,
наевшись русской мудрости плодов,
евреи столь изрядно обрусели,
что всюду видят происки жидов.
109

Еврей живет, как будто рос,
не зная злобы и неволи:
сперва сует повсюду нос
и лишь потом кричит от боли.
110

Велик и мелок мой народец,
един и в грязи и в элите,
я кровь от крови инородец
в его нестойком монолите.
111

Евреям доверяют не вполне
и в космос не пускают, слава Богу;
евреи, оказавшись на Луне,
устроят и базар, и синагогу.
112

Живу я легко и беспечно,
хотя уже склонен к мыслишкам,
что все мы евреи, конечно,
но некоторые – слишком.

113

Шепну я даже в миг, когда на грудь
уложат мне кладбищенские плиты:
женитьба на еврейке – лучший путь
к удаче, за рубеж, в антисемиты.

114

На развалинах Древнего Рима
я сажу и курю не спеша,
над руинами веет незримо
отлетевшая чья-то душа.

115

Под небом, безмятежно голубым,
спит серый Колизей порой вечерней;
мой предок на арене этой был
зарезан на потеху римской черни.

116

Римские руины – дух и мрамор,
тихо дремлет вечность в монолите;
здесь я, как усердный дикий варвар,
выцарапал имя на иврите.

117

В убогом притворе, где тесно плечу
и дряхлые дремлют скамейки,
я Деве Марии поставил свечу —
несчастнейшей в мире еврейке.
118

Из Рима видней (как теперь отовсюду,
хоть жизнь моя там нелегка)
тот город, который я если забуду —
отсохнет моя рука.
119

Я счастлив, что в посмертной вечной мгле,
посмертном бытии непознаваемом,
в навеки полюбившейся земле
я стану бесполезным ископаемым.
120

Я антисемит, признаться честно,
ибо я лишен самодовольства
и в евреях вижу повсеместно
собственные низменные свойства.
121

Вон тот когда-то пел, как соловей,
а этот был невинная овечка,
а я и в прошлой жизни был еврей —
отпетый наглый нищий из местечка.
122

Знаешь, поразительно близка мне
почва эта с каменными стенами:
мы, должно быть, помним эти камни
нашими таинственными генами.
123

Высокого безделья ремесло меня от процветания спасло

Как пробка из шампанского со свистом
я вылетел в иное бытие,
с упрямостью храня в пути тернистом
шампанское дыхание свое.
124

Я живой и пока не готов умирать.
Я свободу обрел. Надо путь избирать.
А повсюду стоят, как большие гробы,
 типовые проекты удачной судьбы.
125

Решать я даже в детстве не мечтал
задачи из житейского задачника,
я книги с упоением читал,
готовясь для карьеры неудачника.
126

В час важнейшего в жизни открытия
мне открылось, гордыню гоня,
что текущие в мире события
превосходно текут без меня.
127

За то и люблю я напитки густые,
что, с губельной вечностью в споре,
набитые словом бутылки пустые
кидаю в житейское море.
128

Всегда у мысли есть ценитель,
я всюду слышу много лет:
вы выдающийся мыслитель,
но в нашей кассе денег нет.
129

Время щиплет незримые струны,
и звучу я, покуда не сгину,
дни мелькают, как пятки фортуны,
а с утра она дышит мне в спину.
130

Я нужен был и близок людям разным,
поскольку даром дружбы одарен,
хотя своим устройством несуразным

к изгнанию в себя приговорен.
131

Я тем, что жив и пью вино,
свою победу торжествую:
я мыслил, следовательно, но
я существую.
132

Видно только с горных высей,
видно только с облаков:
даже в мире мудрых мыслей
бродит уйма мудаков.
133

Я живу, в суете мельтеша,
а за этими корчами спешки
изнутри наблюдает душа,
не скрывая обидной усмешки.
134

Моя малейшая затея
душе врага всегда была
свежа, как печень Прометея
глазам голодного орла.
135

В этой мутной с просветами темени,
непостижной душе и уму,
я герой, но не нашего времени,
а какого – уже не пойму.
136

Я пристегнут цепью и замком
к речи, мне с рождения родной:
я владею русским языком
менее, чем он владеет мной.
137

С утра нужна щепотка слов,
пощекотавших ум и слух,
чтоб ожил чуткий кайфолов,
согрелся жить мой грустный дух.
138

Очень много во мне плебейства,
я ругаюсь нехорошо,
и меня не зовут в семейства,
куда сам бы я хер пошел.

139

Мы бестрепетно выносим на свет
и выплескиваем в зрительный зал
то, что Бог нам сообщил как секрет,
но кому не говорить – не сказал.

140

Ум так же упростить себя бессилён,
как воля перед фатумом слаба,
чем больше в голове у нас извилин,
тем более извилиста судьба.

141

Что в жизни вреднее тоски и печали?
За многое множество прожитых дней
немало печальников мы повстречали —
они отравлялись печалью своей.

142

Каждый, в ком играет Божья искра,
ясно различим издалика,
и, когда игра не бескорыстна,
очень ей цена невелика.

143

Я в сортир когда иду среди ночи,
то плетется мой Пегас по пятам,
ибо дух, который веет, где хочет,
посещает меня именно там.

144

Добру и злу внимая равнодушно,
и в жертвах побывал я, и в героях,

обоим поперек и непослушно
я жил и натерпелся от обоих.
145

Моей судьбы кривая линия
была крута, но и тогда
я не кидался в грех уныния
и блуд постылого труда.
146

Я люблю, когда слов бахрома
золотится на мыслях тугих,
а молчание – признак ума,
если признаков нету других.
147

Живу привольно и кудряво,
поскольку резво и упрямо
хожу налево и направо
везде, где умный ходит прямо.
148

Очень давит меня иногда
тяжкий груз повседневного долга,
но укрыться я знаю куда
и в себя ухожу ненадолго.
149

Именно поэты и шуты
в рубище цветастом и убогом —
те слоны, атланты и киты,
что планету держат перед Богом.
150

Я счастлив ночью окунуться
во все, что вижу я во сне,
и в тот же миг стремлюсь проснуться,
когда реальность снится мне.
151

На свободе мне жить непривычно
после долгих невольничьих лет,
а улыбка свободы цинична,
и в дыхании жалости нет.
152

Много всякого на белом видя свете
в жизни разных городов и деревень,
ничего на белом свете я не встретил

хитроумней и настойчивей, чем лень.
153

Не стоит и расписывать подробней,
что личная упрямая тропа,
естественно, скудней и неудобней
проспекта, где колышется толпа.
154

Нисколько сам не мысля в высшем смысле,
слежу я сквозь умильную слезу,
как сутками высиживают мысли
мыслители, широкие в тазу.
155

На вялом и снулом проснувшемся рынке,
где чисто, и пусто, и цвета игра,
душа моя бьется в немом поединке
с угрюмым желанием выпить с утра.
156

Как ни богато естество,
играющее в нас,
необходимо мастерство,
гранящее алмаз.
157

Живу, куря дурное зелье,
держа бутылъ во тьме серванта,
сменив российское безделье
на день беспечного Леванта.
158

О том, что потеряли сгоряча,
впоследствии приходится грустить;
напрасно я ищу себе врача,
зуб мудрости надеясь отрастить.
159

Где надо капнуть – я плесну,
мне день любой – для пира дата,
я столько праздновал весну,
что лето кануло куда-то.
160

Неявная симпатия к подонкам,
которая всегда жила во мне,
свидетельствует, кажется, о тонком
созвучии в душевной глубине.

161

Когда я спешу, суечусь и сную,
то словно живу на вокзале
и жизнь проживаю совсем не свою,
а чью-то, что мне навязали.

162

Я даже в течение дня
клонюсь то к добру, то ко злу,
и правы, кто хвалит меня,
и правы, кто брызжет хулу.

163

Эстетам ревностным и строгим
я дик и низок. Но по слухам —
любезен бедным и убогим,
полезен душам нищих духом.

164

Судьба моя стоит на перекрестке
и смотрит, как нахохленная птица;
отпетой и заядлой вертихвостке
в покое не сидится и не спится.

165

Рифмуя слова, что сказались другими, —
ничуть не стесняюсь, отнюдь не стыжусь:
они просто были исконно моими
и преданно ждали, пока я рожусь.

166

Я проделал по жизни немало дорог,
на любой соглашался маршрут,
но всегда и повсюду, насколько я мог,
уклонялся от права на труд.
167

Я, Господи, умом и телом стар;
я, Господи, гуляка и бездельник;
я, Господи, прошу немного в дар —
еще одну субботу в понедельник.
168

Я должен признаться, стыдись и робей,
что с римским плебеем я мыслю похоже,
что я всей душой понимаю плебея,
что хлеба и зрелищ мне хочется тоже.
169

Для всех распахнут и ничей,
судьба насквозь видна,
живу прозрачно, как ручей,
в котором нету дна.
170

Явились мысли — запиши,
но прежде — сплюнь слегка
слова, что первыми пришли
на кончик языка.
171

Доволен я и хлебом, и вином,
и тем, что не чрезмерно обветшал,
и если хлопочу, то об одном —
чтоб жизнь мою никто не улучшал.
172

Кругом кипит азарт, и дух его
меня ласкает жаром по плечу;
за то, что мне не надо ничего,
я дорого и с радостью плачу.
173

Мне власть нужна, как рыбе — серьги,
в делах успех, как зайцу — речь,
я слишком беден, чтобы деньги
любить, лелеять и беречь.
174

Своих печалей не миную,

сполна приемлю свой удел:
ведь, получив судьбу иную,
я б тут же третью захотел.
175

Изрядно век нам нервы потрепал,
но столько с трухой напололам
напел, наплел, навеял, нашептал,
что этого до смерти хватит нам.
176

В толпе не теснюсь я вперед,
ютясь молчаливо и с краю:
я искренне верю в народ,
но слабо ему доверяю.
177

Мне все беспечное и птичье
милее прочего всего,
ведь и богатство – не наличие,
а ощущение его.
178

Я живу ожиданьем волнения,
что является в душу мою,
а следы своего вдохновения
с наслажденьем потом продаю.
179

В суждениях о поэте много значит,
как хочет он у Бога быть услышан;
кто более величественно плачет,
тот кажется нам более возвышен.
180

С утра теснятся мелкие заботы,
с утра хандра и лень одолевают,
а к вечеру готов я для работы,
но рядом уже рюмки наливают.
181

Свободой дни мои продля,
Господь не снял забот,
и я теперь свободен для,
но не свободен от.
182

В людской активности кипящей
мне часто видится печально

упрямство курицы, сидящей
на яйцах, тухлых изначально.
183

Блажен, кого тешит затея
и манит огнями дорога;
талант – сочиняет, потея,
а гений – ворует у Бога.
184

Когда мы глухо спим и домочадцы
теряют с нами будничную связь,
из генов наших образы сочатся,
духовной нашей плотью становясь.
185

На крыльях летал, колесил на колесах,
изведал и книжный, и каторжный труд,
но старой мечте – опереться на посох —
по-прежнему верен и знаю маршрут.
186

Что я преступно много сплю,
с годами стало очевидно,
и мне за то, что спать люблю,
порой во сне бывает стыдно.
187

Мой разум, тусклый и дремучий,
с утра трепещет, как струна:
вокруг витают мыслей тучи,
но не садится ни одна.
188

За все благодарю тебя, судьба,
особенно – за счастье глаз и слуха,
которое мне дарит голытьба
ремесленного творческого духа.
189

Внезапное точное слово
случайно прочтешь у поэта —
и мир озаряется снова
потоками теплого света.
190

Вокруг меня все так умны,
так образованны научно,
и так сидят на них штаны,
что мне то тягостно, то скучно.
191

Вся жизнь моя прошла в плену
у переменчивого нрава:
коня я влево поверну,
а сам легко скачу направо.
192

Я раздражал собой не всякого,
но многих – я не соответствовал
им тем, что жил не одинаково
с людьми, с которыми соседствовал.
193

Я жил почти достойно, видит Бог:
я в меру был пуглив и в меру смел;
а то, что я сказал не все, что мог,
то, видит Бог, я больше не сумел.
194

За много лет познав себя до точки,
сегодня я уверен лишь в одном:
когда я капля дегтя в некой бочке —
не с медом эта бочка, а с гавном.
195

Благое и правое дело
я делал в часы, когда пил,
смеялся над тем, что болело,
и даже над тем, что любил.
196

Я думаю, нежась в постели,
что глупо спешить за верстак:
заботиться надо о теле,
а души бессмертны и так.
197

Люблю людей и по наивности
открыто с ними говорю,
и жду распахнутой взаимности,
а после горестно курю.
198

Я смущен не шумихой и давкой,
а лишь тем, что повсюду окрест
пахнет рынком, базаром и лавкой
атмосфера общественных мест.
199

В сей жизни краткой не однажды
бывал я счастлив оттого,
что мне важнее чувство жажды,
чем утоление его.
200

Гуляка, прощелыга и балбес,
к возвышенному был я слеп и глух,
друзья мои – глумливый русский бес
и ереси еврейской шалый дух.
201

Никого научить не хочу
я сухой правоте безразличной,
ибо собственный разум точу
на хронической глупости личной.
202

Души моей ваянию и зодчеству
полезны и тоска и неуют;
большой специалист по одиночеству,
я знаю, с чем едят его и пьют.
203

Среди уже несчетных дней
при людях и наедине
запомнил я всего сильнее
слова, не сказанные мне.
204

Что угодно с неподдельным огнем

я отстаиваю в споре крутом,
ибо, только настояв на своем,
понимаю, что стоял не на том.
205

Не рос я ни Сократом, ни Спинозой,
а рос я – огорчением родителей
и сделался докучливой занозой
в зад у моралистов и блюстителей.
206

Стал я слишком поздно понимать,
как бы пригодилось мне умение
жаловаться, плакать и стонать,
радуя общественное мнение.
207

Живя в душевном равновесии
и непреклонном своеволии,
меж эйфории и депрессии
держусь высокой меланхолии.
208

Мне с самим собой любую встречу
стало тяжело переносить:
в зеркале себя едва замечу —
хочется автограф попросить.
209

От метаний, блужданий, сумбурности —
дарит возраст покой постоянства,
и на черепе холм авантюренности
ужимается в шишку мещанства.
210

Ни мыслей нет, ни сил, ни денег.
И ночь, и с куревом беда,
А после смерти душу денет
Господь неведомо куда.
211

Успех мой в этой жизни так умерен,
что вряд ли она слишком удалась,
но будущий мой жребий – я уверен —
прекрасен, как мечта, что не сбылась.
212

В любви прекрасны и томление, и апогей, и утомление

Природа тянет нас на ложе,
судьба об этом же хлопочет,
мужик без бабы жить не может,
а баба – может, но не хочет.
213

Мы счастье в мире умножаем
(а злу – позор и панихида),
мы смерти дерзко возражаем,
творя обряд продленья вида.
214

В любви на равных ум и сила,
душевной требуют сноровки
затеи пластики и пыла,
любви блаженные уловки.
215

В политике – тайфун, торнадо, вьюга,
метель и ожиданье рукопашной;
смотреть, как раздевается подруга,
на фоне этом радостно и страшно.
216

Люблю, с друзьями стол деля,
поймать тот миг, на миг очнувшись,
когда окрестная земля
собралась плыть, слегка качнувшись.
217

Едва смежает сон твои ресницы —
ты мечешься, волнуешься, кипишь,
а что тебе на самом деле снится,
я знаю, ибо знаю, с кем ты спишь.
218

Есть женщины, познавшие с печалью,
что проще уступить, чем отказаться,
они к себе мужчин пускают в спальню
из жалости и чтобы отвязаться.
219

Он даму держал на коленях,
и тяжело дышалось ему,
есть женщины в русских селеньях —
не по плечу одному.

220

Мы пружины не знаем свои,
мы не ведаем, чем дорожить,
а минуты вчерашней любви
помогают нам день пережить.

221

И дух и плоть у дам играют,
когда, посплетничать зайдя,
они подруг перебирают,
гавно сиропом разводя.

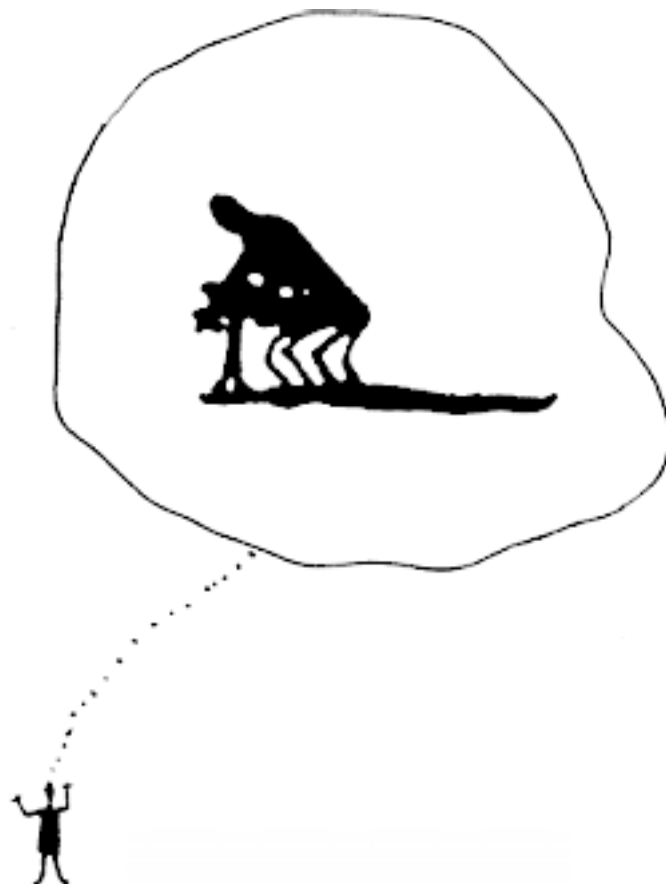
222

Встречаясь с дамой тет-а-тет,
теряешь к даме пиетет.

223

Мужик тугим узлом совьееся,
но если пламя в нем клокочет —
всегда от женщины добьется
того, что женщина захочет.

224

Соблазнов я ничуть не избегал,

был страстью обуян периодически
и в пламени любви изнемогал
все время то душевно, то физически.
225

Я не люблю провинциалок —
жеманных жестов, постных лиц;
от вялых страхов сух и жалок
любовный их Аустерлиц.
226

Мы заняты делом отличным,
нас тешит и греет оно,
и ангел на доме публичном
завистливо смотрит в окно.
227

Блажен, кому достался мудрый разум,
такому все легко и задарма,
а нам осталась радость, что ни разу
не мучались от горя от ума.
228

В силу разных невнятных причин,
вопреки и хуле и насмешке,
очень женщины любят мужчин,
равнодушных к успеху и спешке.
229

С каждым годом жить мне интересней,
прочно мой фундамент в почву врыт,
каждый день я радуюсь, как песне,
оклику, что стол уже накрыт.
230

Чисто элегическое духа ощущение
мы в конце недели рюмкой лечим,
истинно трагическое мироощущение
требует бутылки каждый вечер.
231

Люблю величавых застольных мужей —
они, как солдаты в бою,
и в сабельном блеске столовых ножей
вершат непреклонность свою.
232

Под пение прельстительных романсов
красотки улыбаются спесиво;

у женщины красивой больше шансов
на счастье быть обманутой красиво.
233

Чтобы сделались щеки румяней
и видней очертания глаз,
наши женщины, как мусульмане,
совершают вечерний намаз.
234

На закате в суете скоротечной
искра света вдруг нечаянно брызги —
возникает в нас от женщины встречной
ощущение непрожитой жизни.
235

Женившись, мы ничуть не губим
себя для радостей земных,
и мы жену тем больше любим,
чем больше любим дам иных.
236

По-моему, Господь весьма жесток
и вовсе не со всеми всеблагот:
порядочности крохотный росток
во мне он растоптал моей ногой.
237

Я прошел и закончил достаточно школ,
но, перечислив солидным годам,
за случайный и краткий азарта укол
я по-прежнему много отдам.
238

Женщину глазами провожая,
вертим головой мы не случайно:
в женщине, когда она чужая,
некая загадка есть и тайна.
239

В сезонных циклах я всегда
ценил игру из соблюдения:
зима — для пьянства и труда,
а лето — для грехопадения.
240

Живое чувство, искры спора,
игры шальные ощущения...
Любовь — продление разговора

иными средствами общения.
241

Но чья она, первейшая вина,
что жить мы не умеем без вина?
Того, кто виноградник сочинил
и ягоду блаженством начинил.
242

Что я смолodu делал в России? —
Я запнусь и ответа не дам,
ибо много и лет, и усилий
положил на покладистых дам.
243

Я устал. Надоели дети,
бабы, водка и пироги.
Что же держит меня на свете?
Чувство юмора и долги.
244

Мужчина должен жить не суетясь,
а мудрому предавшись разгильдяйству,
чтоб женщина, с работы возвратясь,
спокойно отдыхала по хозяйству.
245

Болит, свербит моя душа,
сменяя страсти воздержанием;
невинность формой хороша,
а грех прекрасен содержанием.
246

С неуклонностью упрямой
все на свете своевременно;
чем невинней дружба с дамой,

тем быстрее она беременна.
247

Когда роман излишне длителен,
то удручающе типичен,
роман быть должен упоителен
и безупречно лаконичен.
248

Не первопроходец и не пионер,
пути не нашел я из круга,
по жизни вели меня разум и хер,
а также душа, их подруга.
249

В мечтах отныне стать серьезней,
коплю серьезность я с утра,
печально видя ночью поздней,
что где-то есть во мне дыра.
250

Я знаю, куда сквозь пространство
несусь на тугих парусах,
а сбоку луна сладострастно
лежит на спине в небесах.
251

Есть женщины осеннего шитья:
они, пройдя свой жизненный экватор,
в постели то слезливы, как дитя,
то яростны, как римский гладиатор.
252

Думая о бурной жизни личной,
трогаю бывшее взглядом праздным:
все, кого любил я, так различны,
что, наверно, сам бывал я разным.
253

Меня в весе и калибре,
нас охлаждает жизни стужа,
и погрузневшая колибри
свирепо каркает на мужа.
254

Непоспешно и благообразно
совершая земные труды,
я аскет, если нету соблазна,
и пощусь от еды до еды.

255

В очень важном и постыдном повинны —
так боимся мы себя обокрасть,
что все время и во всем половинны:
полуправда, полуриск, полустрасть.
256

Азартная мальчишеская резвость
кипит во мне, соблазнами дразня;
похоже, что рассудочная трезвость
осталась в крайней плоти у меня.
257

Я мыслю и порочно, и греховно,
однако повторяю вновь и вновь:
еда ничуть не менее духовна,
чем пьянство, вдохновенье и любовь.
258

Мы гуляем, поем и пляшем
от рожденья до самой смерти,
и грешнее ангелов падших —
лишь раскаявшиеся черти.
259

Я давно для себя разрешил
ту проблему, что ставит нам Бог:
не жалею, что мог и грешил,
а жалею того, кто не мог.
260

Предпочитая быть романтиком
во время тягостных решений,
всегда завязывал я бантиком
концы любовных отношений.
261

Спалив дотла последний порох,
я шлю свой пламенный привет
всем дамам, в комнатах которых
гасил я свет.
262

Люблю вино и нежных женщин,
и только смерть меня остудит;
одним евреем станет меньше,
одной легендой больше будет.
263

Если я перед Богом не струшу,
то скажу ему: глупое дело —
осуждать мою светлую душу
за блудливость истлевшего тела.
264

Кто понял жизни смысл и толк, давно замкнулся и умолк

Мы вчера лишь были радостные дети,
но узнали мы в награду за дерзание,
что повсюду нету рая на планете,
и весьма нас покалечило познание.
265

Нас душило, кромсало и мяло,
нас кидало в успех и в кювет,
и теперь нас осталось так мало,
что, возможно, совсем уже нет.
266

Не в силах никакая конституция
устроить отношения и дела,
чтоб разума и духа проституция
постыдной и невыгодной была.
267

По эпохе киша, как мухи,
и сплетаясь в один орнамент,
утоляют вожди и шлюхи
свой общественный темперамент.
268

На исторических, неровных,
путях заведомо целинных
хотя и льется кровь виновных,
но гуще хлещет кровь невинных.
269

Неистово стараясь прикоснуться,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.